Фермер

Автор:
De Ron

Фермер

De Ron

Командир роты Вениамин Колесников видел много крови в боях за четыре года Второй мировой войны, но сердце его не очерствело. По приказу он принимает только что освобождённый концлагерь, там из-за своей доброты он совершает не поправимую ошибку, спасая маленького людоеда. Через много лет офицеру полиции, его потомку, придётся пережить немыслимое.... для того, чтобы исправить давнюю ошибку своего деда. Одним словом «жесть» можно описать события, которые ему придётся пережить и попробовать выжить.

De Ron

Фермер

1

Весна 1945 года, Германия, концентрационный лагерь…

Что для русского хорошо, то для немца смерть – издавна твердили на Руси. При нынешних событиях это выражение воспринимается особо парадоксально. По просёлочной колее, иногда доходящей до колена, болтая пассажиров из стороны в сторону, уверенно шла колонна грузовиков из десяти «трёхтонок».

Нет, не из-за отсутствия дорог, они были, и по-немецки хорошо ухожены, ехали советские солдаты в небольших деревянных кузовках, – эта просёлочная дорога

срезала путь от вокзала до места назначения минимум на тридцать километров. Советский народ был нетребователен к условиям – действовали по принципу – чем короче, тем быстрее. Сложности мы любим, даже часто сами себе их создаём. Причины этого непонятны всему миру, но сейчас момент истины, и народ этот многострадальный щёлкает проблемы, что орешки белка. Вот один из таких примеров. Идёт колонна полу -деревянных автомобилей, медленно, но уверенно, а по встречной менее разбитой колее стоят, по уши завязшие в грязи, без надежды на дальнейшее возобновление движения, «союзнички», гражданские немцы из движения Сопротивления, отставшие от своих. Много удивлённых глаз смотрят, как вытянувшийся автопоезд рычит, но едет.

Снега, как такового, уже нет, но в воздухе ещё ощущается его присутствие. Весенний холодок пытается напомнить об уходящей зиме. Тепло выгнало из укрытий местных квартирующихся круглогодично птиц. Невыносимо слышать безостановочное карканье ворон и грачей. Оно заглушало пение соловьёв, пытавшихся всё же обрадовать человеческое ухо, предвещая приближение не только долгожданной весны, но и не менее ожидаемых изменений в военной обстановке на покрытой горем земле.

Обманчивое это тепло. Вроде бы застегнёшь шинель, – жарко, а расстегнёшь – моментально дрожь пробирается к телу. Деревья те же, что и на родине, в основном, но хвойных маловато, вот и картина не совсем родная, всё голо в эту пору.

В кузовах молча, периодически дымя самокрутками и трофейными папиросами, следовала с фронта до концлагеря боевая штурмовая рота пехотинцев под командованием майора Вениамина Викторовича Колесникова, потомственного казака из Ростова -на -Дону, за 180 сантиметров роста и богатырского телосложения. Его насыщенно чёрный чуб свисал под фуражкой над глубокими карими глазами, твёрдо и внимательно глядевшими на всех из-под тонких чёрных бровей. Не менее тёмные усы, подкрученные с концов над верхней губой придавали этому зрелому красавцу благородный вид. Многие женские сердца были разбиты. Даже сейчас, несмотря на сорокалетний возраст, он становился только изящнее. Прямой, но не совсем тонкий нос напрягся в ощущении чего-то тревожного в этой непонятной передислокации. Командование направило по этому маршруту с приказом прибыть в концлагерь, принять у танкистов объект до прибытия комендатуры, чекистов и особистов.

Советская Армия шла на Берлин. Он так мечтал ворваться в логово врага, разбить фашистскую гадину в её спальне, воздать за народ свой, за горе ему причинённое этими фанатиками, возомнивших себя богами. Но приказ есть приказ. Впереди показались чёрные трубы, из которых шлейф дымка уходил высоко в не совсем ещё ясное небо.

– Вень, командир, ты, это, не горюй! Война всё равно заканчивается, дай и молодым побить немчуру, – успокаивал его дядя Вася. Худощавый с мясистым носом, он сплёвывал с губы, в окно через левое плечо остатки самокрутки, подруливал бьющийся руль от колёс, едущих как по рельсам в колее с жидкой грязью.

– Смотри, откуда-то здесь «союзнички», нет бы прямиком в концлагерь, спасать народ. Ведь там и ихние, говорят, имеются! Недовольный его голос не прекращал подливать огонь в печку недовольства, разогретую в душе Вениамина, который правой рукой пытался держаться за ручку, приделанную дядей Васей к потолку, а другой – придерживал портупею. Скачка на ухабах не совсем способствовала полному пониманию происходящего. Он махал головой, поддакивая высказываниям дяди Васи, хотя сам, вряд ли вообще его слушал. Но дяде Васе что? Лишь бы его не перебивали.

– Союзники, появившись в конце войны, словно к делению пирога, мне не нравятся: чего они ждали? Столько лет мы ломали хребет Гитлеру, как почуяли, что Союз себе всю победу заберёт, раз и появились ниоткуда. Не сломай мы фашиста, они в Нормандии в воде и остались бы. А тут – нате вам, как в отпуске по Европе бегают, столбят территории.

– Да не говори, дядя Вася! – махнул головой ещё раз Вениамин.

– Что говорить, вся Европа работала на Гитлера, помогая в войне против нас. Теперь боятся возмездия, так и бегут к американцам, стараясь сдаться не нам. – продолжал дядя Вася, подкручивая непослушную баранку к центральному входу в огромный по площади концлагерь.

Вслед цепью встали грузовики, из которых дружно по команде выгружались в полной экипировке проверенные в боях солдаты майора Колесникова.

Вениамин в новой гимнастёрке со звездой Героя на груди оттянул полы кителя, щёлкнул сапогами и, погладив усы, оглядел строй своих бойцов.

Эти смелые гренадеры, возраста от двадцати до шестидесяти лет, с уважением глядели на своего командира в ожидании приказа. Уверенные в себе, они с нескрываемым удивлением открыли рты, не понимая вообще, для чего они здесь. Но и он не очень -то понимал, что от него требуется. На фронте ясно, где враг и что делать, а здесь оставалось действовать по обстоятельствам.

В воздухе стоял скрежет железных засовов, болтаемых ветром из стороны в сторону, и приглушённый вой сирены противовоздушной обороны, разносившийся далеко по местности.

– Почему сирену включают? – спросил майор, направившись к входу. – Вроде авиа -налётов не предвидится, фронт далеко ушёл.

– Заклинило, наверное! – прохрипел дядя Вася, затянув ремень на выгоревшей гимнастёрке и поправив пилотку. Вой сирены под аккомпанемент летящих с неба мелкого, пушистого как снег пепла, падающего с огромных, упирающихся в небо чёрных труб, добавлял тревогу в души видавших виды солдат и офицеров. Ещё этот напуганный чем-то молодой командир взвода танкистов.

– Старший лейтенант Омельченко! – выдохнул прокопчённый дымом дизеля, лет тридцати, невысокого роста, шустрый парень. Страх явно овладел им по полной. Его подчинённые своим видом словно вторили командиру, будто понимая что-то ведомое только им. Быстро и несвязно что-то пролепетав, не доходя до ворот, посчитав, что контроль над лагерем передан пехотинцам, танкисты во мгновение запрыгнули в свои железные машины, рванули на всех мощностях в сторону столицы долго не просуществовавшего третьего Рейха.

– Так поспешно удалились!Убежали что чёрт от ладана! – отметил дядя Вася, поведя в стороны своими белыми усами. В свои лет шестьдесят он был седой до яркой белизны, почти как дед мороз в сказках, только без бороды. – Какие-то они бледные и испуганные, -добавил он.

Прохлада, не яркий дневной свет, эта надоедливая сирена, карканье ворон, бледные лица танкистов прибавили беспокойства. Что-то ужасное, тягостное ждало их у ворот.

Огромная территория в центре ровной поляны, в плотном лесу, была огорожена высоким забором из почерневших от дождя брёвен и колючей проволоки. По периметру располагались на толстых основаниях сторожевые вышки, внутри стояли несколько десятков чёрных дощатых бараков, которые упирались перпендикулярно друг к другу, только административные здания, были сделаны из красного кирпича.

Как будто чуя нерешительность людей, при открытии почти четырёх – метровых в высоту ворот забуксовала сирена.

– Уйт! Уйт – ворота со скрипом распахнулись, и сирена завыла ещё громче. Солдаты суеверно вполголоса говорили что-то друг другу, чем усиливали напряжение Вениамина. Он встал как вкопанный. Следом дядя Вася, переводчик, ефрейтор Калинин в очках и десять солдат застыли в ужасе, выглядывая друг из-за друга.

У входа во фронтальное здание, напоминающее котельную, откуда ввысь, словно стволы гаубиц, тянулись чёрные кирпичные трубы, из которых не переставала струиться дымка, разбрасывая золу по округе. А сбоку перед котлами были сложены в высоту не менее трёх метров людские трупы – целые, но исхудалые до состояния костей. У всех перехватило в горле, безмолвие создавало вакуум в ушах, кровь усиленно стучала в висках, кому-то стало плохо, кто-то упал. Да, все они видели трупы, много трупов, но на полях сражения, и товарищей, и врагов, но тут другое. Горы, накиданных как дрова, измождённых, голых, убиенных и умерших от голода и истязаний женщин, детей, стариков, мужчин. Неестественно торчали руки, ноги, незакрытые глаза. Открытые рты, словно они что-то хотели сказать перед смертью. Нижние тела видно лежали давно, восковые до синевы, раздутые, придавленные верхними, издавали запах трупного яда, непонятного цвета жидкость вытекала из-под них.

Переводчик Калинин, с внешностью ботаника, достал платочек, прикрывая рот, белее белого, шатаясь, побрёл за командиром. Пирамида трупов однозначно оказывала и психологическое давление, даже спиной её все чувствовали, отойдя от неё пару десятков метров процессия остановилась у дверей, за которыми содержались не успевшие сбежать охранники концлагеря.

– Фу, ну и запах! С каждым шагом всё хуже и хуже! – Выругался полковник Колесников. Никогда не пасовавший перед страхом смерти, он дрожал перед

кучей бездыханных тел.

– Кто старший? – прибавил голос, войдя в казарму, пытаясь разглядеть в темноте бывших надзирателей. Кто-то из них был в форме солдат вермахта, кто-то тюремщиков, некоторые были в лохмотьях заключённых, скорее всего помощники администрации лагеря.

– Кто старший? Вывести всех на улицу! – громко скомандовал Вениамин Викторович.

– Я! – сказал по-немецки, в расстёгнутом кителе с перевязанной в локте рукой офицер со строгим профилем. Выяснилось, что Фон Краус, начальник охраны, остался прикрывать отход своего начальства вместе с полусотней уцелевших сотрудников и помощниками надзирателей. Подчинённых Фон Крауса загнали обратно под охрану, а самого повели, рядом с командиром, под направленный в его спину ствол ППШ. Время от времени его посещали мысли о побеге, он с готовностью тараторил на своём, ефрейтор Калинин успевал переводить только то, что было необходимо. Из гортанно льющихся предложений от полковника Фон Крауса удалось узнать, что на территории концлагеря осталось в живых не менее 10 тысяч заключённых со всей Европы, включая СССР.

– Это очень много, когда приедут коменданты и эти чекисты!? Не справимся, нас меньше сотни, куда девать их всех? Ну и задача! – вслух размышлял Колесников. – Капитан Валиулин! Больным помочь, здоровых накормить, как-то надо всех переписать, распределить.

– Снаружи ряд вагонов стоят, может туда временно переселить? – Валиулин всегда знал как выйти из любой безвыходной ситуации, что сделать, его инициатива облегчала решительность майора Колесникова.

– Конечно! В вашем распоряжении, всё, что посчитаете необходимым, делай как считаешь правильным! – ответил полковник.

Вениамин уже видел, как зашевелились заключённые, поверив, что прибыли спасители, неуверенно выходили из мрачных бараков, буквально падая на руки солдатам. Те, с состраданием, как могли быстрее выносили больных, ослабленных. Слова благодарности на разных языках звучали по всему концлагерю. Относительно здоровые заключённые, поддерживая друг друга,

цепью брели к полевой кухне, тыловая служба работала на всю свою мощь.

Некоторые подходили к Вениамину, пытаясь сказать спасибо, радость хоть и слабо но светилась в их взорах. На лицах, и так стянутых до костей, попытки улыбнуться превращались в виновато просящие гримасы с глазами полные горя. Одна из таких заключённых, с лицом родной бабушки с впалыми щеками, взяла костлявыми, синими, почти прозрачными руками ладонь Вениамина, посмотрела ему в глаза:

– Сожгите их! Не спасайте! Они уже не люди! – будто что-то предсказывая, она подняла загнутый от старости палец вверх, потрясла и, глядя в сторону на отдельно стоящие бараки, ещё раз потрясла руку и медленно направилась на выход в ворота.

– Что она имела в виду, дядя Вася? – удивился полковник Колесников, заходя в соседний корпус, где видимо был лазарет.

– Остывающий воздух, вой сирены, карканье ворон, смрад неописуемый, бабушка с предсказаниями, и что за бараки стоят отдельно? – Фон Краус вроде всё понимал без слов,тоже посматривал в сторону этих бараков.

Ефрейтор Калинин поймал серую пушинку, падающие без прерывно они быстро скопились на его ладони. Попробовав их на язык, он сплюнул шлак.

– Откуда столько трупов и как давно они лежат у крематория? – спросил немца полковник.

Ефрейтор старался как можно достовернее переводить и с каждым словом менялся в лице.

– Это умершие от голода и холода заключённые, предназначенные для сожжения. Нижние лежат долго, очень долго, печи в последнее время не справлялись. Их необходимо уничтожить, трупный яд проникает по всем баракам, умрёт ещё больше людей! – хладнокровно объяснял Фон Краус. – А шлак, что падает, как снег с неба – это прах сгоревших трупов, он легче, чем обычная зола, вот его и вытягивает из печей и разносит по округе.

Переведя последние слова, ефрейтор опять бросился плюясь за угол, его стошнило, зайти в лазарет он побоялся. Кровь повсюду, убитые подопытные больные были раскиданы по всем палатам. Фон Краус спокойно рассказывал о зверствах, чинимых его собратьями, словно он не нёс за это ответственность.

– Я зольдат, я зольдат – не переставал он вставлять между рассказами. – Я зольдат, приказ, присяга.

– Эх, в печку бы тебя, зольдат – сплюнул через плечо дядя Вася.

Обойдя все помещения, бледные и молчаливые, они двинулись в жилую зону.

– Товарищ полковник, может уже с утра? Все -таки почти вечер, темно на улице – уговаривал дядя Вася – Да и освещение здесь так себе! Я присмотрел там усадьбу бывшего начальника концлагеря. Ефрейтор Калинин был категорично за.

– Это что за здание? – Колесников обратил внимание на большой амбар без окон.

–Склад! – ответил полковник Фон Краус.

Складом назвать это помещение не поворачивался язык. Тут хранились вещи заключённых: обувь, верхнее и нижнее белье, одежда, ремни, даже волосы, собранные в тюки, посуда и всё, что могли с собой привезти несчастные. Ряды влево и вправо казались бесконечными.

– Да сколько здесь народу побывало? Миллионы? – Колесников не ждал ответа. – Вот зверюги! Вот это высшая раса, что натворили псевдоарийцы! Не было идеологии более жестокой в истории Земли.

Ефрейтор перевёл Фон Краусу слова командира, и тот опустил голову.

Выйдя на открытый воздух, Колесников глубоко вздохнул, вкус смерти ощущался на губах. Здесь всё было пропитано им. Вокруг смерть! От дверей этого склада, вымощенная досками дорога вела в сторону тех самых злополучных бараков, на которые указывала старуха.

– Кого же там надо сжечь? О чем говорила она? Холод от прикосновения её рук до сих пор морозил его тело. Увидев по намерениям командира, двинуться в направление бараков, вокруг которых даже смрад стоял особый, снова вмешался дядя Вася – Вень, на сегодня хватит шокирующего, пойдёмте, устроимся на ночлег, а утром продолжим!

Старше по возрасту, он по-отечески глядел на полковника, между собой он мог его назвать по имени, но тут же поправил обращение – Товарищ полковник, к тому же утром прибудет комендантская рота и корреспонденты, работы много, зафиксируем и хоронить будем мёртвых.

Вениамин, словно наперекор своей судьбе, как всегда натянул на замер пальца фуражку, поправил гимнастёрку и принял решение идти сейчас – он не любил оставлять важное на потом. Сделав несколько шагов к почерневшим строениям, был остановлен за рукав полковником Фон Краусом.

– Найн, найн! – чуть не плача, попытался он его остановить. Колесников с недоумением взглянул не него.

2

Под уже надоевший вой сирены с хрустом отворилась покосившаяся дверь в тот самый барак. Тяжёлый день, избыток холодящей сознание информации измотал всех до упадка сил, но деваться некуда, приказ не выполняют по желанию. В нос вошедшим ударил резкий запах затхлой человеческой крови. Колесникову было не по себе, смелый до отчаянья командир неуверенно ступил внутрь слабоосвещенного деревянного ящика, называемого бараком. Лампочки мало того, что подавали тусклый свет, так ещё моргали через раз, то ли от сырости, то ли от плохого контакта.

– Есть здесь кто? – неуверенно крикнул полковник, чиркая зажигалкой. Запах бензина немного сбивал запах гнили. – Сходите за фонарём! – приказал Вениамин старшине Евсюкову и двинулся в угол, где в кромешной темноте что-то происходило. Какие-то стуки раздавались во мраке, что-то пробежало, чуть не сбив его с ног. От неожиданности дядя Вася выронил со рта неизменную самокрутку из фронтовой газеты, но поднимать не стал, она ещё долго дымилась на полу.Старый адъютант сплюнул в сторону. Запах дешёвого табака и бензина от зажигалки как благовонье тянулись за группой во главе с

полковником Вениамином Викторовичем Колесниковым. Деревянные двух - ярусные нары были пустыми. Громкий женский крик вывел из оцепенения.От запаха разделанного мяса вперемешку с гнилью и сыростью становилось плохо дышать. Воздух разрезали хлёсткие удары о мягкую плоть.

Вениамин попытался дрожащий свет направить в угол, где что-то блеснуло, потом ещё и ещё. Из-за спины темноту прошил луч большого фонаря. От увиденного командир выронил зажигалку, остальные оцепенели. Из мрака отсвечивали с десяток детских глаз. Стоя на четвереньках, дети держали молодую, ещё не совсем истощённую женщину, а мальчик лет восьми, что покрупнее, стоял весь в крови и держал в руке длинный штык -нож. По его губам стекали красные сгустки, он что-то жевал и глядел обезумевшими глазами на незваных гостей. Мальчик с ножом кинул кусок человеческой плоти в кучу детей, те накинулись и в драке стали рвали его зубами.

Женщина ещё хрипела, из отрезанных грудей брызгала кровь. Жертва с протяжным стоном испустила дух. Вожак этой дикой стаи всё продолжал, сжимая нож в руке, злобно смотреть на Вениамина.

– Выводи всех на улицу! – приказал полковник Колесников и развернулся на выход.

Но пришлось послать за подмогой, юные людоеды забились в угол, их не так уж просто было вытащить наружу. В общей сложности, только детей набралось более ста, столько же больных женщин и стариков. Всех разместили в отдельных вагонах под усиленным конвоем.

– Они что сумасшедшие? – вопросом констатировал один из врачей – их спрашиваешь, а они смотрят пустыми глазами и молчат.

Колесников внимательно слушал полковника Фон Крауса.

– Люди от голода обычно умирают, а некоторые начинают поедать себе подобных, сначала умерших, потом и не гнушаются убивать. Всё же свежее мясо – от неуместного сравнения немец осёкся, ожидая от Колесникова жёсткой критики, но увидев отрешённость в глазах, продолжил – Так вот, остальные заключённые их отделили в эти бараки и сами охраняли, чтобы те не нападали на обессиленных. Людоеды жили сами по себе, по своим законам, поедая своих.

Эту женщину они как-то заманили, она из вновь прибывших. Вот до чего доходит человек, до состояния скотины!

– Это вы, высшая раса, довели их! – резко перебил его Колесников. – Это вы пытались всех вокруг превратить в скот, в недочеловеков! На лицо ваши идеи, методы! Осмотритесь! Разве люди так могут? Идите в камеру, порассуждайте со своими, они поймут вас! – жёстко и твердо осадил Вениамин полковника Фон Крауса.

3

На улице потемнело, тишина висела над лагерем, без криков надзирателей, лая собак – в первые за столько лет здесь воцарилась тишина.

Вениамин разделся по пояс, правда по привычке, не выпускал оружия из рук. ТТ не изменял ему, когда он у руки – теплее воину внутри.

– Дядя Вася, завтра с утра комендатура прибудет?

– Да, Вень! Но только не пойму – чекисты зачем тут? Офицеров что ли забрать – седые усы его взъерошились от недовольства.

– Думаю за ними, лучше бы они позже комендатуры прибыли, что-то совершенно с ними встречаться нет желания! Я спать наверх пошёл!

Мягкая кровать полностью поглотила крепкое увесистое тело Вениамина. Алкоголь немного расслабил уставшие части конечностей.

– Было прекраснейшее настроение, дожали врага, бьём его в его доме, вот, вот уже победа, а тут на тебе этот марш-бросок. Один день в этом лагере и вся энергия оставлена тут. Просто ватный стал! – он сетовал на командира дивизии, удобно устроившись в пуховых перинах, закрыл глаза, пытался уснуть, но шли минуты, а сна не было. Закрыв глаза, он чуял, что кто-то ходит по спальне, открыв, никого не обнаруживал. Опять закрыл, может устал, мерещится? Но ощущение того, что кто-то стоял напротив, нагнулся и дышит, усиливалось.

– Что это такое, сорок лет живу, но такого не было! Все это чушь! – успокоить пытался он себя, повернулся к стене, накрылся одеялом.

– Веня, Веня, что с тобой? – кричал д. Вася, расталкивая его.

– Уух! – застонал, встряхнулся и сел на край постели Колесников. – Как хорошо, что ты меня растолкал, что-то такая ерунда мне приснилась! – с облегчением вздохнув, он потянулся за стаканом, залпом глотая воду – Что-то ужасное меня парализовало во сне, я тебя вроде вижу, прошу помочь, кричу! Ну вот ты и спас меня! – засмеялся он.

– А я сижу на кухне, курю, слышу, что ты стонешь, вот и поднялся! А ты тут дёргаешься из стороны в сторону, я и растолкал тебя!

– Спасибо, дядя Вася! Не смейся надо мной, лёг в этой комнате и реально боюсь, как в детстве уснуть один.

– То, что мы сегодня увидели тут, даже я с ума чуть не сошёл, не мог уснуть, всё переваривал! Особенно слова этого фрица про этих детей. Победили бы они, что вообще было бы с нашими чадами? Ты спи, Вень, я рядом посижу, завтра тебе ясная голова нужна.

4

– Товарищ полковник, Вениамин Викторович,там НКВД, прибыло, наглые рожи! Требуют Вас – Старшина Евсюков бежал, пытаясь не отстать от командира, по засыпанной мелкими булыжниками дорожке от усадьбы в концлагерь, где в пустых вагонах разместили заключённых. Служба тыла работала беспрестанно, мелкими порциями подкармливая измождённых, чтобы отвыкшие желудки не погубили желанием сразу насытиться. Гул стоял на всех языках Европы. Эта картина воодушевила Вениамина, но новость о прибытии сотрудников НКВД расстроила.

– Рановато! В 5 утра уже здесь! – недовольно выразился он, подтягивая гимнастёрку.

– Не к добру это, не к добру! – вторил дядя Вася, как всегда выражая все свои эмоции шевеля белыми усищами.

У ворот в ряд стояли шесть новеньких автобусов, у каждого автоматчики в подтянутых кителях, с неподвижными лицами, как оловянные солдатики.

– На передовую их всех! – шептал у уха дядя Вася. – Гляди, какое обеспечение!

– Капитан Смирнов! – высокомерно представился офицер с надменным лицом.

– Полковник Колесников! – не показывая эмоций, представился и ждал, что дальше скажет капитан.

– Сейчас загрузим организованно всех людоедов! Советских отдельно, европейцев отдельно, всех хромых, больных, женщин, детей – сделав паузу, чекист достал пакет, вручил Колесникову, – за них несём ответственность уже мы. Приказ сверху.

– Ясно, нам меньше хлопот – читал Вениамин секретные документы – странно, здесь ни слова о людоедах.

– Об этом известил вас я лично, не наше с вами, полковник, дело рассуждать о приказах – словно дав подзатыльник собеседнику, капитан в тёмно-синих галифе, стукнул каблуками, повернулся, небрежно последовал к автобусам.

– Старшина Евсюков, идите с капитаном, сдайте заключённых из последних двух бараков поимённо! Под роспись! – акцентировал на последние слова Колесников, отойдя в сторону, где медицинская служба осматривала больных.

Взвод НКВД оцепил кольцом отдельно стоящие вагоны с людоедами, начали погрузку.

– Дядя Вася!

–Да, товарищ полковник! – как всегда рядом оказался ординарец, с первых дней войны они были неразлучны.

– Что-то не нравится мне этот тип Смирнов, да и его солдаты. Иди присмотри, чтобы они не столкнулись с нашими, не хотелось бы конфликтов.

НКВД не любили в частях, а те плевали на всех, не редко случались казусы на фронте при появлении этих стервятников. Вот и сейчас, пехотинцы с недобрыми взглядами следили за каждым из прибывших.

В течении часа забитые автобусы тронулись от концлагеря, замыкал автоколонну грузовик, полный автоматчиков. Куда увезли, зачем, никто не мог понять. Некоторые выдвигали версии: детей в детдома, больных в казармы. Только старушка, что пожимала руку майору и просившая сжечь бараки с людоедами, смотрела понимающе вслед уходящей колонне автобусов, будто она точно знала, куда их увезли.

– Странно, дядя Вася, я думал, они за немецкими офицерами прибудут.

– Вень, ну какого нашего ума это дело! Вот сейчас комендачи прибудут с корреспондентами, сдадим всех и на Берлин! Усы Гитлеру дощипать. – Щедрая улыбка открыла чёрные от никотина крепкие зубы.

Ранее, весеннее солнце мягко и нежно разогревало остывшую за мартовскую ночь землю. Время около 7 утра, а гимнастёрку можно уже расстёгивать. Соловьи пели хором, перебивая неприятное карканье, видимо они видели радость на лицах людей и хотели поддержать. Бывшие узники улыбались, слушая друг друга и мечтая каждый о своём.

Полковник Вениамин Викторович Колесников тоже слушал трель соловьев, подставляя лицо лучам солнца. Не хотелось снова заходить в эти мрачные ворота, жестокие и циничные слова вывески у ворот на немецком языке «Добро пожаловать» злили его, он мечтал скорее на фронт, закончить поход на Запад.

– Товарищ полковник, товарищ полковник! – задыхаясь, подбежал к нему с испуганным лицом старшина Евсюков. – Там одного заключённого из этих людоедов не загрузили, отметили в приёме, но он как-то спрятался в углу вагона, в соломе.

– Как не загрузили? – Холод опять обнял тело Колесникова, в глазах блеснули неприятные лица сотрудников НКВД, разбирательства, трибунал. – А как хорошо

день начинался! Где он? Заводи машину! – заорал он.

Два взрослых солдата за шиворот с трудом притащили мальчугана, тот яростно упирался. В грязных лохмотьях, с трудом напоминающих спецодежду узников, весь в крови, предстал перед Вениамином тот самый пацан, которого с ножом в руках они достали в бараке у тела женщины. Теперь было возможно разглядеть его подробнее. Стоял он отрешённо насупив губы, чрезмерно сжимая скулы, так, что был слышен скрежет зубов, нахмурив свои чёрные брови, огромными карими глазами он смотрел на полковника, шмыгая прямым и длинным, что у вороны, носом. Низкий подбородок и выдающие вперёд верхние губы придавали ему на самом деле сходство с этой птицей.

– Ну что мне с тобой делать? Почему со всеми не поехал? Что утаился? – спросил у него Колесников. – Как тебя зовут?

Но тот только скрежетал зубами и испепелял всех ненавидящем взглядом.

– Ты так и будешь молчать? Что спрятался, почему не уехал с друзьями? – твёрже задал вопрос Колесников.

– Тимофей его зовут! Я в списке смотрел, – влез старшина.

– Сколько времени прошло, как чекисты уехали?

– Не больше часа.

– На джипе напрямую догоним. Заводи американца! – полковник ещё раз посмотрел на маленького узника, глаза того забегали, беспокойство появилось в лице.

– Не надо меня к ним! – не по возрасту взрослым, хриплым голосом сказал Тимофей. – Не надо!

– Я не хочу туда, я домой хочу! – добавил мальчик.

– Ну так они тебя домой отвезут, – успокоил его Вениамин. – Полезай! – скомандовал он жёстко, – не до сантиментов, всё равно особисты кинутся искать

тебя, потом бед не оберёшься.

Чтобы парнишка не сбежал, рядом сел молодой автоматчик. Дядя Вася с вечно горящей самокруткой в зубах вырулил на просёлочную дорогу, срезав путь, по ней можно было догнать автобусы. Покрепче ухватились руками за ручки, что могло помочь в быстрой езде по разбитой дороге. Виллис, как лягушонок запрыгал по той же колее, которой прибыли сюда. На которой стояли по уши в грязи всё те же намертво засевшие виллисы и авто немецкого производителя.

– Такие же машины,что и у нас, ездить, что ли, не умеют! – ухмылялся дядя Вася, выруливая баранкой, которая так и норовила ударить обратно. Американец выпрыгнул на твёрдое покрытие. Сразу наступила тишина, мотор, уже не надрываясь, понёс их в сторону города. На первых километрах, раскидав с колес куски грязи, плавно пошёл по асфальту.

Дорога заходила в лесной массив, но оттуда послышались автоматические выстрелы, подняв тучи грачей и ворон вверх, пришлось резко остановиться.

– Тормози! – скомандовал Колесников, спрыгнул, пригнувшись с автоматом на изготовке направился в ту сторону, откуда взлетели птицы, – По следам езжай тихо, не шуми.

Долго идти не пришлось, снова прострочила автоматная очередь, совсем рядом. – Заверни вправо, за те кусты встань! Ты со мной дядя Вася, а ты рядовой в оба глаза смотри за мальчишкой! – отдав приказ, он взвёл затвор на ППШ, пригнувшись как хищник, перебежками направился на звук выстрелов, которые периодично разрезали пустой воздух леса.

Послышались мужские голоса и детский плач. Перед ними среди плотных стволов открылась небольшая поляна. То, что творилось на ней, навсегда врезалось в память обоих. Возле вырытой ямы стояли два автобуса. Из них силком вытаскивали маленьких детей, измождённых, худых, грязных, ставили на край и расстреливали. Остальные дети это видели и плакали в автобусах, их вой разносился по поляне, они знали, что всех их положат в эту яму, но они не сопротивлялись, выходили, вставали спиной к стрелкам, получали пули и падали. Только одна маленькая девочка вырвалась из рук солдата и побежала в сторону, где спрятались Вениамин и дядя Вася.

– Помогите! – громко раздался детский голос на русском языке, но очередь в спину прошила её и сбило с маленьких ножек на сырую землю.

– Стой, Веня! Дурак, не стреляй! Сейчас и нас порешат и детей не вернёшь! – схватил его за руку дядя Вася.

– Мрази! Я их рядом положу! – дёрнулся Колесников, он видел рыдающих детей, смотрящих с мольбой из окон автобуса.

– Остановись! У тебя семья дома!Сын ждёт!Не глупи! – эти слова всё таки привели его в чувство.

Чекисты оперативно запрыгнули в автобусы и с рёвом исчезли из виду.

– Расстреляли своих же!-Вениамин выдохнул и сел на колени у ямы, в которой в разных позах лежали застывшие в ужасе взрослые и дети. – Как же так? За что? Разве мы не спасти пришли этих людей! За что? – заревел во всё горло полковник, взяв себя за голову. – Я их отдал этим извергам, это я виноват в их гибели!

– Всё, поехали! Ничего не поделаешь! Смотри, видишь трое убитых немецких солдат с автоматами, из которых стреляли по ним? Это так задумано! Их обвинят в этом убийстве. Мы солдаты! Не наше это дело, политика! Поехали! – с трудом поднял его за плечи дядя Вася.

Всю обратную дорогу они молчали. Молчал и мальчик, который заранее знал, почему ему было не по пути с друзьями.

5

– Спрячь его пока дома, переодень во что-нибудь – попросил Вениамин, садясь за руль. – А ты сорванец слушайся, нет – отвезём в НКВД! – припугнул он Тимофея.

У ворот уже поджидала группа офицеров комендантской роты.

– Товарищ полковник, там корреспонденты ходят, фотографируют территорию концлагеря, что-то записывают. – Доложил старшина Евсюков.

– Комендант сам прибыл? – спросил Вениамин.

– Да, он здесь, они уже принимают арестованных охранников и заключённых по списку. С ними представители союзников, только подъехали.

К полковнику подбежала молодая девушка в весеннем пальто и в берете с петелькой наверху, в блестящих чёрных сапожках, дёргала маленьким носиком, поправляя падающие светлые волосы на огромные голубые глаза. Она затараторила на английском языке. После недолгих поисков объявился ефрейтор Калинин.

– Спрашивает, как Вас зовут, сколько лет, на каком фронте воюете? – вошёл сразу в дело Калинин, с нескрываемым интересом, глядя на журналистку.

– Рассказывай! Ты знаешь не меньше меня! – неловко ответил Вениамин.

– Она спрашивает, правда ли в этом концлагере процветал каннибализм? –ефрейтор из-под очков взглянул на командира.

– Не знаем! Мы пехотинцы с фронта, мы не можем утверждать, и того, что имело место быть, и обратное. Для этого есть уполномоченные структуры.

В это время на встречу подошёл полковник Горюнов, высокий здоровяк с пивным животом, в сопровождении офицеров в американской форме.

– Вы ли это Вениамин Викторович? – кинулся он обнимать Колесникова, после рукопожатия. Колесникову неоднократно приходилось после взятия населённого пункта сдавать его под контроль комендатуры. – Герой Советского Союза, герой Сталинградской битвы, полковник Колесников, о нем много писали! – представил он своим попутчикам стройного командира роты штурмовиков, у которого на груди сверкала звезда героя.

Заходить в лагерь, Колесников отказался, до сих пор перед глазами стояло увиденное, при первом посещении этого зловещего места.

– Товарищ полковник, нам бы на фронт, за сутки немного отстали от дивизии! – почти умоляюще, попросил он Горюнова.

– Понимаю, понимаю! – Офицер комендатуры любил реальных вояк. – На фронт, бить фашистов! Хвалебно! – он похлопал того по плечу. Союзники, выслушав перевод, одобрительно замахали головами.

Рота Колесникова,по твёрдому покрытию, колонной двигалась в направлении Берлина. Впереди шёл джип -Виллис командира, на заднем сидении в сопровождении автоматчика, сидел свежий, умытый, но очень хмурый мальчик Тимофей. Дядя Вася отыскал в доме детскую одежду – костюм и фуражка преобразили маленького людоеда. Но дикий взгляд напоминал в нем того, кого увидел Вениамин в бараке.

– Что же нам с тобой делать, Тимофей, как на родину отправить? Не брать же с собой на передовую! – На дворе вторая половина апреля 1945.Третий Рейх в смертельных судорогах сопротивлялся, бои протекали особенно жестоко. – Сейчас в штабе узнаю идут домой войска или нет, – сказал полковник, рассуждая вслух.

Тем временем колонна грузовиков прибыли в полу -разрушенный большой населённый пункт. Подтянув гимнастёрку, полковник Колесников легко выпрыгнул из джипа и направился в огромное серое каменное здание, напоминающее древний храм с огромными мраморными столбами, держащий треугольную крышу, над которой развивался красный флаг СССР. Твёрдая обивка каблуков чётко и звучно отражалась эхом в большом холле. В приёмной сидел знакомый секретарь с зализанной, как у попадьи в пробор по сторонам причёской, с тонкими усиками под мясистым носом, короткий воротник был застегнут и словно мешал ему говорить.

– Полковник, здравия желаю! Вы к генералу? – просипел он, не поднимая глаз.

– Конечно! – радостно ответил Колесников.

В это время с дверей резко появился капитан НКВД Смирнов, недовольно взглянул на Колесникова, не поздоровавшись, быстро вышел из приёмной.

– Проходите, полковник! – проговорил секретарь, всем видом выказывая недовольство наглым посещением капитана в синем кителе.

– Здравия желаю, товарищ генерал-полковник! – вытянулся Колесников, зайдя в огромный зал.

– А Вениамин Викторович! Привет! Привет! – встал генерал навстречу, видимо визит капитана Смирнова доставил и ему недовольство, он, чуть ли, не сплюнув, выдохнул – Эти чекисты, ну наглецы же! Ни к возрасту, ни к званию уважения не имеют, паразиты, как война заканчивается, так они вообще оборзели! Повылазили!

Колесников молча слушал комдива, не стал интересоваться, что этому Смирнову здесь было надо, он ждал дальнейшего приказа.

– Ну ладно, что это я завёлся! – остановился генерал. – Езжай на передовую, от города километров 50, бери полк Попова, он тяжело ранен.

– Слушаюсь, товарищ генерал-полковник! Служу Советскому Союзу! – вытянулся он перед ним.

– Ну ладно оставь ты эти формальности, мы же тут одни! Задание знаю, ты выполнил, – ухмыльнулся генерал, – узнал от этого наглеца Смирнова. Всё сынок, лети на позиции, мы в движении, части уже ведут бои на улицах Берлина.

Попрощавшись, Вениамин отдал честь и удалился. Выйдя на улицу, он посмотрел по сторонам.– Тьфу ты, опять этот Смирнов! – выругался он про себя, видя, как тот курит внизу у автомобилей рядом с урной и поглядывает на Колесникова, будто тянет время, ждёт его.

Не менять же направление из-за этого сопляка, но желательно не давать возможность тому увидеть Тимофея, мало, что в голову чекисту придёт.

– Что, полковник, решил догнать своих? – нахально выпуская струйку дыма в его сторону, через зубы процедил светловолосый Смирнов. Наглые голубые глаза смотрели на майора, как на жертву.

– Товарищ капитан, во-первых, здравия желаю, во-вторых, вы не только младше по званию, но и по возрасту и будьте добры вести себя скромнее с боевым офицером, с Героем Советского Союза. – Впервые он пользовался своими регалиями. – Извинись, сопляк! – прошипел он, подойдя вплотную к Смирнову, – или я сверну тебе шею.

Тот изумлённо взглянул на наступающего Колесникова, уверенность слетела с его лица, но не желая примириться с тем, что перегнул, хотел огрызнуться, положил руку на кобуру.

– Я тебя прямо здесь пришью, а там разберёмся! Пришью, как ты детей в лесу! – Вениамин сам не ожидал, что так по злому у него получится, но видно на чекиста это подействовало.

– Я выполнял приказ! – ошалело проговорил тот, замешкавшись и поняв, что не чисто сработали. Полковник видел расправу, которую прогнали по всем сводкам, средствам массовой информации, как зверства фашистов. – Вы не представляете, товарищ полковник, куда лезете! Их уничтожили во благо будущего Советского Союза! – его скулы ходили желваками, неохотно он продолжил, – каждый из этих малолетних людоедов потенциально опасен в будущем обществе, это фактически уже состоявшийся маньяк. Мы спасли многие жизни, ликвидировав их. Вам этого не понять, и будет лучше, если Вы забудете, что видели и никогда не вспомните! – уже с угрожающим тоном закончил он.

– Ты меня не пугай, я пуганный! А иностранные людоеды где? Они не опасны в будущем? – полковник жёстко смотрел прямо в глаза Смирнову.

– Они вернутся к семьям, что будет твориться в их будущем, нас не интересует – ответил тот.

– Ну и гады же вы! – плюнул Вениамин в урну, с отвращением посмотрел на оппонента и последовал к машине, спиной ощущая ненавидящий взгляд чекиста.

– Спрячь малого! Чтобы этот не видел! – скомандовал Колесников – Поехали на железнодорожный вокзал, там санитарные поезда идут домой, надо отправить пацана.

Сразу направились на вокзал, который был самым оживлённым местом в этом небольшом городке. На Берлин шли эшелоны с орудиями, танками, а обратно санитарные составы с ранеными и гражданскими.

– Сестрёнка, привет, красавица! Кто у вас тут старший, главный врач или как его там? – Вениамин, держа за руку Тимофея, стоял у командирского вагона, ждал пока появится в тамбуре кто-то, кто может принять решение.

– Что хотели? – вышла высокая, стройная женщина примерно его возраста.

– Что полковник, Вам надобно? – белый халат не очень -то смотрелся на ней, но она была тут главной, это точно.

– Очень прошу Вас взять с собой этого мальчика, до Москвы!

– Да? И кто он? И куда мы его?

– Подобрали у немцев, русский мальчик, в детдом нужно определить. Мы сами на Берлин, пропадёт пацан иначе! Пожалуйста! – просящий тон и его умоляющий взгляд подействовали на главного санитарного врача.

– Хорошо, пусть едет с нами! – отрезала она и скрылась в вагоне. Несколько раз дал прозвучал гудок, предупреждая о начале движения. Вениамин поправил клетчатую фуражку на голове мальчика.

– Ну, пока, Тимофей!Расти на благо родине!у меня твоего же возраста сорванец дома ждёт,его Андрюшка зовут.– он протянул ему свою огромную ладонь, но тот лишь ощетинился, потрясывая из стороны в сторону от злости свою воронью голову. – Я Вас ненавижу! Вы во всём виноваты! Сначала, как трусы убежали, бросили нас под фрицами, которые убили всех, кто мне был дорог, а потом появились вы, будто бы спасители и добили всех, кто остался, и моих младших братишку и сестрёнку. Гордые, весёлые победители! Вы ещё ответите за всё при жизни, и вы и ваши дети переживут то, что пережил я! Последние слова, как колокол зазвенели в голове боевого офицера. Он понимал, что мальчик говорит правду.

– Тимофей, а я -то при чём? – пытался он оправдаться, но мальчик уже растворился в тамбуре отъезжающего поезда. Как встал на одно колено Вениамин, прощаясь с этим грозным ребёнком, так и остался сидеть, смотря как пропадает из зоны видимости спасенный им мальчик -людоед. Так он и сидел бы пребывая в шоке, пока громкий гудок паровоза не привёл его в чувство.

– На Берлин дядя Вася! Газуй, отец!

– Ты, что такой бледный, Вень? – удивился дядя Вася.

– На Берлин! На Берлин! – всё, что только и мог он сказать, опустошённый словами мальчика со злыми глазами.

Глава 1

«Командировка»

1

На дворе 2017 год, конец марта…

Весна боролась с зимой на улицах города, ручейки зажурчали по округе. Птицы шумели, создавая попурри звуков из грубых, нежных и звонких напевов и карканья. Каждому знакома эта долгожданная пора, ожидание победы весны.

Ссутулившись, мужчина шёл неуверенными, короткими шагами, по ещё не просохшей тропинке, горбатясь так, что было сложно определить его рост. Широкие, темно -синие, высоко заправленные брюки, почти до груди, из-под которых выглядывали белые в полоску носки, а ботинки, казалось, сняты с циркача – больше положенного размера, они выдавались далеко вперёд. Лёгкая плащевая ветровка была ему коротка в рукавах, к тому же ещё и карманы торчали в стороны. Он был чист, аккуратен, но выглядел несуразно, хотя черты лица явно были привлекательными – тонкие, чёткие брови, прямой нос, подбородок с ямочкой, узкое лицо, правильный лоб, но весь вид портили толстенные линзы в круглой чёрной оправе, постоянно спускавшиеся на конец носа. Гладкие, зализанные волосы торчали из-под шерстяной, с большим козырьком, фуражки. В общем одно недоразумение. Даже приблизительно было

затруднительно определить на вскидку его возраст, то ли 35 – 45, а может и 55 лет. Обычно от таких мужчин, как только завидев, женщины отворачиваются, и меняют направление своего движения, лишь бы не испортить и без того не очень счастливое бытие.

Но Ирина Евгеньевна, женщина вся в соку, в свои 37 лет выглядела максимум под 30. Вот она в нём что-то нашла. Отношения красивого врача местной больницы и серенького бухгалтера администрации интересовали всех, кто хоть мельком замечал их вместе.

Это стало загадкой и для самого Артема, вот об этом он и размышлял по пути домой, перепрыгивая или обходя лужи. Домом назвать это жилище сложно, изба старенькой бабы Нюры имела одну изолированную и очень маленькую комнату, больше схожую с чуланом, в ней арендовал кровать Артем, приехав год назад по направлению в эту деревню, недалеко от столицы. Даже в этой маленькой комнате личного пространства у него не было. Баба Нюра, то ли скучая от одиночества, то ли по каким-то другим причинам, появлялась всегда не вовремя, «благоухая» нафталином. Ежедневный её ритуал – заводка настенных часов. Кряхтя, она натягивала цепь, поднимая гирьки, а висели эти часы рядом с входом в его комнату.

– Баба Нюра, добрый день! – тихим голосом проговорил Артем, тщательно протирая ноги у порога, дважды перед входом в сени и в дом. В одной руке держал папку с документами, а в другой авоську с продуктами. – Я вот молочка прихватил! – поскрипывал он на половицах, снимая обувь.

– Привет, касатик! Привет, Тёмка! – по-свойски, с материнской любовью проскрипела ещё очень шустрая бабулька с легка за 80, в ситцевом платье, с аккуратно убранными седыми волосами под платок. Красивый фартук был измазан мукой, как и её руки – она что-то пекла к полднику.

– Раздевайся и за стол садись, пирожки с яйцами, с вареньем попьём чая! А молоко давай сюда!

Умыв руки, он расположился за крепким дубовым столом, с молоком пирожки летели на ура! Светлая кухня, чисто скобленные внутри бревна, фотографии на стенах бородатых мужиков в кителях и женщин в длинных платьях, в шляпах с огромными полями добавляли умиротворения. Стол стоял у окна с видом на

проезжую часть, по которой редко сновали дорогие машины жильцов посёлка Дубовая Роща. В последнее время эта деревня из бревенчатых изб превратилась в поселение нуворишей, каменные усадьбы их беспощадно вытесняли. Земля в этой эко -зоне повысилась в цене в десятки раз. Домиков, как у бабы Нюры оставалось раз -два и обчёлся, хозяева категорически отказывались продавать свои дома с участками или имелись юридические проблемы.

– Вкусные пирожки, баба Нюра! Спасибо! – встал Артем, вытирая руки, – Я поработаю немного.

– На здоровье, касатик! – старушка осталась у печки стряпать.

– Баб Нюр, никто не приезжал к тебе? А то смотрю следы от протекторов у крыльца – беседу продолжал Артем уже из комнатушки.

– Да, Тема, какой-то мужик на огромной чёрной машине приезжал, всё дом мой с участком желает купить. Сколько можно? Каждый месяц приезжают! – недовольно скрипела старушка. – Я и участковому жаловалась.

– А что он?

– Говорит – угрожали? Нет? Так и меры принять не могут,нет факта преступления. Знаешь я тебе, что, Тема, скажу – она перешла на шёпот, словно кто-то подслушивал их, – милиция с этой мафией повязана. Вон, Глашку, соседку, где сейчас трёхэтажный особняк с красного кирпича стоит, умертвили, как пить дать, говорят куда-то к родным уехала, так у неё отводясь их не было. Вон, деда с бабкой Кипеловых куда дели? Что на берегу жили у речки. Они пустили на квартиру какую-то особу, написали завещание и нет их! А дядя Гриша? Много можно, касатик, рассказывать, дня не хватит.

– А ты, баба Нюра, говори, я пишу и слушаю, не тороплюсь! – продолжал он работать с бумагами.

– Вон и ко мне зачастили, особенно этот год, не жил бы ты у меня, давно бы что-нибудь паразиты придумали, как меня извести.

– Неужто, баб Нюра, всё так плохо? Это же страх какой! Из-за жилья людей без раздумья жизни лишают.

– Дык касатик, как не лишат, лишат, денежки – то какие стоит мой участок в 20 соток, вон сегодня этот бугай десять миллионов давал, говорит не хочешь денег – квартиру в Москве возьми. А я дома хочу умереть, как и мои родители. – пустила она слезинку, и без того мокрые от возраста глаза светлого оттенка, стали красными.

– Бабуля, ты ещё нас переживёшь, смотри какая живая, я шаг делаю, а ты два. Вон дома чистенько, весь огромный двор прибран.

– Правду говоришь, Тема! – успокоилась она. – Нынче люди ленивые пошли. У тя, что семьи то нет что ли? Сколько лет, а всё один, да один.

– Есть семья, в Москве живут, старшему 21, а младшему 16, но они с матерью – вздохнул Тема, убрав очки на конец носа, словно толстые линзы мешали ему хорошо видеть.

– Вроде спокойный такой. Что случилось то, почему не вместе? – с укором, продолжала возиться по дому и говорить с жильцом старушка.

– Долгая история, баба Нюра, потом когда-нибудь расскажу, во всём работа виновата.

– Ну, ничего, мужик ты у нас видный! Вот только не горбатился бы, а то гнёшься к земле! Рано ещё! – хихикнула старушка. – Да и ты этой стерве Иринке не верь. Говорят, она таскалась с начальником местной полиции! А они все тут повязаны! Вон она приезжала вчера, тебя спрашивала.

С Иринкой той он познакомился в палате больницы, куда он попал в новогоднюю ночь. Возвращался с работы, на улице рано темнеет, освещение уличное кто-то специально будто отключил, откуда-то выскочили трое или четверо крепких парней с палками и начали его колотить. Как мог он среагировал, и почти все нападающие не остались без ответа, но ссадины всё -таки оказались серьёзными, пришлось госпитализировать.

– Да Вы Геркулес, Артем Павлович! – оглядывала Ирина Евгеньевна его синяки. – На вид – сморчок, а тело натренированное, мощное! – не переставала удивляться она, выписывая рецепт, поправляла уж очень короткую юбку, которая еле прикрывала стройные её ноги. Встав, повела плечами и неоднозначно, покачивая бёдрами, проследовала мимо, надолго оставив в палате шлейф дорогих духов.

– Вот это женщина! – собирая слюни, проговорил рядом лежащий худосочный парень.

– Не говори! – с восхищением поддержал его сосед с другой стороны.

Как ни странно, но врач -травматолог часто стала навещать Артема. В шести - местной палате лежали трое, все с побоями. Словно случайно Ирина нагибалась перед ним с глубоко расстёгнутом декольте, не сводя с него своих томных глаз.

– Не тормози! Видишь, она вьётся около тебя! – подталкивали его соседи.

После больницы они ещё раз встретились, в администрации. Он сидел в бухгалтерии, а она зашла оплатить госуслуги.

– Здравствуйте, Артем! – она протянула свою ухоженную ручку через стол. Её запах дурманил его мужскую голову. Это замечала Ирина и всё более напористо вела себя с ним. Чёрные, гладкие волосы, прямо уложенные до плеч, чуть раскосые карие глаза выдавали присутствие азиатской крови, фигура что надо, упругая грудь вызывающе просилась в объятия.

– Здравствуйте! – краснея, опустив голову, протянул он свою ладонь, слегка сжимая её пальцы.

Следующий раз они встретились уже в конце зимы, на дне рождения главы администрации, куда были приглашены все бюджетники. До утра они занимались бурным сексом у неё дома, неизрасходованная женская энергия 37-летней красавицы была выжата, как губка.

– Да ты не такой уж нюня, как кажешься! – погладила она его грудь, лежа нагой, положив голову на крепкое плечо. Она много задавала вопросов. Откуда он, что с семьёй, надолго ли задержится здесь, почему живёт на съёмной квартире. На

что он смотрел в потолок и загадочно улыбался, но определённого ничего не говорил.

– Да ну тебя! Скажи хоть что-то! – вскочила голенькая Ирина, повернувшись идеальным изгибом. После этой ночи они стали встречаться чаще. Он не то что хотел, но не противился.

– Не верь этой вертихвостке! – беспокоилась баба Нюра, замечая, как она на него глядела при каждой встрече у бабушки в избе.

Он печатал на ноутбуке, делал записи на бумаге, слушал хозяйку, раздумывая над предложением, поступившим от Ирины – в солнечные выходные сгонять на шашлык в лес с её друзьями. Ну что делать – съездим! – почти вслух проговорил он. – Баба Нюра, я баюшки!

– Спи, касатик! – проскрипела она к часам натягивать опять цепи с грузилами.

2

Аппетитный запах жареного мяса далеко разносился по небольшой поляне весеннего леса, где деревья только собирались распустить листья. Набухшие почки, как ягоды, утяжеляли ветки, вековые дубы готовились проснуться от зимней спячки. Тёплое утреннее солнце вытягивало пар из прогреваемой почвы и грело компанию из трёх пар, прибывших сюда на двух авто. Из динамиков разносилась современная музыка. Мужчины рубили дрова, жарили мясо, подливая друг другу алкоголь, Артем делал вид, что пьёт наравне, но умело и незаметно сливал в траву содержимое рюмки.

– Куда в таком состоянии за руль садиться? Ну, это русская авось! – слушая пьяного собеседника, рассуждал Артем. Судя по номерам машин, он понимал, что принадлежат они местным жителям, обитателям местного городка, считающих себя всемогущими на своей территории.

– Ну что ты молчишь, как рыба об лёд! – хлопая его по плечу, уже буксовал в словах собеседник. – Гляди как Иринка красиво танцует!

Двигаясь в такт под энергичную композицию в обтягивающем спортивном костюме с капюшоном, изящно танцевала его новоявленная подружка.

– Зая, пойдём, прикрой меня, я по -маленькому хочу, постоишь, чтобы не украли! – смачно поцеловала она его в губы, утягивая за собой, подальше от поляны. Прижав Артема к толстой кроне, она стала неистово его целовать, расстёгивая его ветровку.

– Ирина, ну не здесь же! – пытался он избежать от напористых приставаний,ей мешали его запотевшие очки сняв их она ослабила свой натиск.

– Не хочешь? Ну и дурак! – промурлыкала она, убрав очки с его носа в карман, спряталась за дерево.

– Ира! Ира! – он потерял её из виду.

– Бах! – громкий и мощный удар свалил его на четвереньки, звон в ушах и обрывки грубых мужских фраз застыли в его голове. Ещё несколько ударов по рёбрам. Били вроде битами и ногами. Он схватил обеими руками кого то за ноги, дёрнул, прикрыв затылок от второго удара. Перехватил биту, потянул на себя, выдернул её из рук нападавшего. Крякнув от встречного удара по коленам, упал первый, второй пытался встать, но тоже был сражён битой. Нападавших было четверо, двое уже хромали, сверкнули ножи, Артем с битой в руках отошёл спиной к дубу. Враги были в балаклавах, один достал пистолет. За долгие годы Артем впервые попал в такой тупик.

– Эй, хулиганье! – громкий бас и сигнал автомобиля вынудил ретироваться нападающих, мимо на удачу проезжали другие отдыхающие.

– Мужчина, с вами всё в порядке? – подбежавших спасателей оказалось двое, они же отвезли его домой, в больницу он ехать отказался, раны были не столь серьёзные.

– Куда подевалась Ира? – удивлялся Артем, лежа на кровати.

– Касатик мой бедненький, что же тебе не везёт то так, нападают и нападают – почти плакала баба Нюра, вытирая кровь с его головы. – Говорю же, прекрати ты

с этой Ириной возиться, мне кажется, она причастна к твоему избиению, гадина такая!

– Вряд ли, баба Нюра! – пытался он разубедить её.

– Что вряд ли то? Мешаешь ты им! Я точно знаю! – заключила она, поцеловав его в лоб с мокрыми щеками от слез, пошла к себе в угол.

– Ну умная же ты бабуля! – совсем по родному ответил он. – Тебе только следователем быть! – пытался он пошутить, простонав от боли.

3

Ирина приехала сразу,переживала за него, плача, аккуратно положила его очки на шкаф. Артем заметил это, но не стал вспоминать о внезапном её исчезновении в лесу. Баба Нюра смотрела на эти посещения неодобрительно.

На следующий день Ирина почему-то приехала рано, вела себя так, как будто торопись куда-то, с полным пакетом продуктов.

– Тема, приветик! – не снимая плаща, она взяла его холодными руками за ладонь, присела на край кровати. – Как чувствуешь себя?

– Сильно пострадал! – с трудом выговорил он. – Поднять голову не могу, ребра болят, на этот раз они меня жёстко поколотили – сетовал он.

– Надо в полицию заявить! – лицо её не выражало чувств, но в уголках тонких волевых губ проскользнула саркастическая улыбка.

– Не стоит! – твёрдо сказал Артем. – Отлежусь! Мало ли в этих краях бандитов.

– Ну хорошо, отдыхай, лечись, завтра навещу! – второпях сказала она, перед тем как уйти.

– Вот намазюкаются! Навоняла! – буркнула бабушка Нюра. – Гони её Тема, она фальшивая.

– Хорошо, хорошо! – уверил он её, хотя это посещение на самом деле насторожило его. Пришла обстановку оценить, сегодня чего-то надо ждать, повернулся он с трудом к стене.

Подождав пока хозяйка задремала, он вышел в сени,соорудил у входной двери растяжку из лески и пустых вёдер. Предчувствие подталкивало на принятие мер, сегодня, видимо, стоит ждать гостей. Очень уж всё удобно – он не в состоянии двигаться, лежит в постели у входа, бабка спит, с ней справиться труда не составит. Соорудив на кровати под одеялом фигуру спящего человека, приготовил найденный заранее во дворе отрезок трубы для защиты и прилёг. В полу -дреме, часа в три ночи, наступила полнейшая тишина,только изредка слышался шорох шагов по замёрзшей за ночь земле и лай собак в соседних дворах.

– Надобно к 9 маю быть с сыновьями, обещал пройтись с ними в строю Бессмертного полка после Парада Победы. – Его размышления прервал шум на веранде, а потом загремели пустые ведра. Он резко вскочил, взял трубу в руки и спрятался за занавеску у окна, затаив дыхание. Долго ждать не пришлось, кто-то осторожно крался, щёлкнул внутренний крючок, дверь тихо отворилась. Минута две тишины, затем скрип половицы, кто-то остановился в проёме косяка, шум ровно падающей гальки в воду повторился несколько раз. Пистолет с глушителем прошил лежащую фигуру, через секунду Артем наотмашь с двух рук врезал в область головы стрелявшему, послышался хруст костей и глухой удар увесистого тела на пол. Второму труба попала по руке, тот вскрикнул и кинулся на Артема, они схватились у двери, пара профессиональных ударов вынудила нападавшего обмякнуть. Их оказалось трое. Заслышав шум борьбы, последний забежал в дом, вытащил пистолет, уже без глушителя. выстрелы взорвали ночную тишину. Артем в падении успел повернуть соперника и прикрыться им от выстрелов. Стреляющий в панике выбежал на веранду, задевая ведра на выходе. Но на крыльце его остановили. Около дома бабы Нюры выросли мгновенно несколько полицейских автомобилей с включёнными проблесковыми маячками. Возня на крыльце закончилась, в избу быстрым шагом зашли люди в штатском. Баба Нюра проснулась и не могла понять, что случилось.

– Здравствуйте! Майор Дурманов, следственный комитет по Москве и Московской области! – представился крепкий мужчина, среднего роста, в строгом чёрном костюме. Он оглядел проницательными глазами место происшествия, коротко объяснил хозяйке, что давно ведётся разработка преступного сообщества чёрных риелторов, на счёту которого десятки жертв и

сотни пострадавших.

– С Вами все в порядке? – обратился майор к Артему.

– Да, почти – ответил Артем, держась за плечо, из которого сочилась кровь, все -таки одна из пуль зацепила его. Пока сотрудники фотографировали место преступления, описывали и опрашивали бабу Нюру, Артема осмотрел врач

– В госпиталь! – сухо констатировал тот.

Перед уходом Артем подошёл к старушке. – Баба Нюра, живи долго! Я как-нибудь тебя навещу! – обняв хозяйку, он чуть не пустил слезу.

– Ой, касатик, все -таки ты меня спас, ведь они пришли меня умертвить! – заплакала она, видя, как кровь сочилась из-под повязки.

– Всё хорошо, баба Нюра! – поцеловал он её в морщинистый лоб. – Хоть тебя бабуля мне удалось спасти!

4

8 мая 2017 года в большом холле здания Следственного комитета по Москве и Московской области было людно. В праздничный день офицеры щеголяли в парадных мундирах, мужчины в высоких фуражках шли, как строевые солдаты, горда неся погоны. Женщины на высоких каблуках и ярко -белых рубахах с георгиевскими лентами кокетливо сновали между ними.

В кабинете майора Андрея Дурманова кипела работа, арестованных заводили, опрашивали, уводили, кто-то ждал своей очереди, томясь под охраной, опустив головы. Среди них, нервно подёргивая пальцами, сидела Ирина Евгеньевна Гущина, главный врач -травматолог. Она оказалась в числе подозреваемых в нашумевшем уголовном деле чёрных риелторов, орудовавших более десяти лет в Москве и Московской области. Из кабинета в наручниках вывели бывшего её любовника, начальника полиции посёлка Дубовая Роща полковника Селезнева. Их взгляды встретились, его увели в камеру, а Ирина ещё более занервничала.

Из холла в коридор свернул высокий, спортивного телосложения, полковник, словно сошедший с картинки, в парадном кителе, чётко, по -строевому, чеканил шаги. Его уверенный взгляд остановился на Ирине Гущиной, он молча улыбнулся, глядя в её испуганные глаза.

– Тема? – она разинула от удивления рот, привстав, растерялась окончательно.

– Не Тема и не Артем! А Вениамин Андреевич Колесников, полковник оперативного отдела ГУВД Москвы и Московской области! – отрапортовал он, вытянувшись по стойке смирно, при этом иронически улыбаясь, развернулся и без стука вошёл в кабинет следователя.

Ирина ещё некоторое время, обезумев от встречи, стала в оцепенении, в конце концов окончательно свалилась, как пустой мешок на стул, постарев в одночасье лет на 10.

9 мая 2017 года, Москва, Красная площадь. Играет военный марш. Строевым шагом чеканит ход колонна молодых офицеров -выпускников Высшей академии Министерства обороны РФ. Пуговица в пуговицу, перчатка в перчатку, повернув головы к мавзолею, гордо идут защитники Отечества.

Нина Васильевна, вытирая слезы счастья, следит за каждым движением своего старшего сына Григория, держа под руку мужа Вениамина и младшего сына Вячеслава. Она глядела с любовью на своих детей, оба очень похожи на мужа, старший пошёл по стопам прадеда – Героя Советского Союза, Героя Сталинградской битвы, полковника Вениамина Викторовича Колесникова. Стал военным, после праздников улетает в Сирию. А там идёт война, и от этого пуще текли слезы у матери.

– Нинуль, хватит поливать брусчатку, её уже мыли! – гладил её по голове Вениамин, гордо смотря на проходящего мимо в строю старшего наследника.

Младший тоже порадовал – приготовил плакаты, фотографии близких родственников со стороны отца и матери, воевавших во Вторую мировую.

– Папа поздравляю тебя с новой звездой! – подошёл к родителям Григорий, взял фото Вениамина Викторовича деда своего отца, в честь которого и дали имя Колесникову старшему.

– Привет, сын! – отец в новых погонах чуть возвышался над семьёй с чувством полного удовлетворения, прижав сначала одного сына к груди, потом второго. Оба отпрыска гордились им и считали его авторитет непререкаемым. А жена любила их всех, радуясь подаренным Богом счастьем. Нагулявшись вдоволь по городу, семья собралась за обеденным столом – мать редко видела в сборе всех своих мужчин, поэтому старалась изо всех сил. Она была лет на 5 младше мужа, зеленоглазая брюнетка с белорусскими корнями, женщина простая и надёжная.

– Вень, тебе что? Чайку? Что на второе? – всё же она больше внимания оказывала главе семейства. Дети это понимали и одобряли. Сегодня рады были все.

– Ребята, может праздничные дни проведём вместе? А то уж столько времени мы никак не соберёмся! – поедая торт, он поглядывал на реакцию своих пацанов.

– Пап, я не могу, через три дня улетаем в Хмеймим, хотел с невестой побыть, уже договорились с друзьями за город сгонять, – неуверенно начал старший, виновато опуская голову.

– Пап, и я хотел за город, у Маги сегодня день рождения, ты знаешь его – Абдулаева, мы тоже с кентами договорились. Не могли с тобой обговорить заранее, как провести праздники, хотя очень хотели бы – младший, 16-летний Вячеслав был всегда посмелее с отцом, глядел ему прямо в глаза. Стоило отцу сейчас сказать нет, и оба сына молча бы изменили свои планы. Вениамин посмотрел сначала на детей, задумался, вспомнил как его отчитывал отец Андрей, он часто ругал Вениамина, что со своей работой забыл стариков. - Выпорю! – строго отчитывал его отец. – Пап?! – виновато он улыбался в ответ, реально чувствуя вину. Сейчас все повторялось, только с ним.

– Вениамин, мальчики уже выросли, они невест имеют, личную жизнь! – вмешалась Нина Васильевна. – Вот, Григорий прилетит из Сирии, соберёмся осенью, и к родителям съездим -сначала к твоим, потом к моим.

– Да, пап! – радостно вскочил Вячеслав, а то купили новую машину и не ездим никуда.

Год назад на семейном совете решили купить новую отечественную модель Лада Х-РЕЙ чёрного цвета, а пробег на ней до сих пор не перевалил и двух тысяч километров. Старший и младший в учёбе, не до вождения, а отца нет, мать вообще идеологический пешеход.

– Ну, что сказать. Давайте сделаем, так как мама говорит – улыбнулся Вениамин, доедая торт, облизывая пальцы. На самом деле он чувствовал свою вину за то, что всё воспитание детей переложил на супругу, особенно в последние несколько лет. Оперативная работа, что поделать. Два год назад внедрился в банду байкеров, промышлявших грабежами на автотрассах. Целый год пришлось играть вторые роли, пока подобрался к главарю, пришлось таскать бороду, кожаные вещи, ездить на мотоциклах. А последнее внедрение в банду чёрных риелторов оставили немало шрамов и на душе, и на теле.

– Последнее дело, Нинуль, и буду увольняться! – шептал он ей, прижав к себе. Красивая лицом Нина, была и телом статна, стройна не по годам. Она обхватила голову любимого мужа, прижала его ещё сильнее, покрыв страстными поцелуями.

5

Как-то болтая с матерью, Слава проговорился, что ему очень нравится Оля Малина, девочка из параллельного класса. Она подруга невесты Стасика, с которым он не разлей вода, друзья с первого класса. Вместе в школе, вместе во дворе, даже вместе занимаются в секции рукопашного боя. Оля ему нравилась настолько сильно, что при виде её у него потели ладони, менялся голос, наверное, это и называется первой любовью. В свои 16 лет он был гибким, спортивным юношей, ростом не меньше 180 см, он выглядел старше своего возраста. Он очень походил на отца внешне, а глаза и душа от матери.Безотказная белорусская натура, чем пользовались его знакомые. Спасителем в таких моментах всегда выступал Стас, светловолосый улыбчивый юноша с овальным лицом вроде бы невзначай отваживал ходоков к другу. Он всегда появлялся и помогал Славику избежать ненужных проблем.

Стасик восхищался яркой и строгой красотой подруги своей невесты Светланы.

– Слав, Оля такая красивая, как с обложки журнала, но какая-то жёсткая, когда она рядом, я робею! – шептал он другу, а Светлана, под стать своему парню,

невысокая, юркая, почему-то всегда старалась свести Славика и Олю. Но каждая такая попытка терпела неудачу, стоило их оставить наедине, они оба терялись и сидели молча. После таких конфузов Вячеслав всегда себя ругал, давал себе оплеухи по щекам, обзывал сосунком, но всё повторялось раз за разом.

– Ты что как телёнок мнёшься? Будь посмелее, в кино девушку пригласи! – недовольно хлопала голубыми глазами Светлана, а Стас незадачливо жал плечами.

Сегодня Вячеслав встал пораньше, вышел к подъезду и ждал, пока рычание мощного двигателя мотоцикла не заполонило весь двор. Он ловко запрыгнул на заднее сиденье, натянул мотошлем,и мотоцикл с визгом рванул за город в один из респектабельных зелёных районов, где жили богатые, среди которых твёрдое место занимал бизнесмен и политик Давлет Абдулаев. С его сыном Магомедом Вячеслав учился в одном классе, а ещё вместе занимались единоборствами. Нещадно друг друга лупили на тренировках, но дружили вне татами. Недавно они сошлись в финале первенства страны, где Вячеслав занял первое место, а Мага второе. Сегодня был его день рождения, куда было приглашено много молодёжи, Вячеслав не любил слёт мажоров, так как ни воспитание, ни финансовое состояние не позволяли ему там тусоваться, но другу Магомету отказать не мог, к тому же Оля была приглашена со Светланой. Москва проснулась давно, столичные пробки тому подтверждение, но это не препятствие для стального двух -колёсного коня. Резкими рывками от светофора к светофору они петляя среди полос движения,выруливали из душной столицы.

– Тише, тише! – успевал только ойкать Вячеслав, не любивший быструю езду, но загнутые вверх огромные трубы настырно вырывали глухие мощные звуки, прижимая к спинке.

День выдался на славу, температура воздуха перевалила за +20. Стоило остановиться и сразу стало жарковато в куртках и спортивных костюмах. Приехали в загородную усадьбу. Огороженный двор, выложенный из больших камней, был заставлен дорогими иномарками, среди которых, шли Славик со Стасом на встречу хозяину праздника. Мага в компании двух крепких бородатых парней, вальяжно растопыривших руки, радостно ожидал своих друзей у входа.

– Салам, пацаны! – пожав руки, обнял их Мага.

– Анзор – нехотя протянул руку брат Маги, лет 20.

– Арсен! – представился второй парень с поломанными ушами борца, слегка прикрытыми густой копной волос.

– Это мои друзья с родины отца, добавил Мага.

– Вячеслав, Стас! – по очереди отозвались друзья.

– Располагайтесь, пацаны! – привёл хозяин вечеринки прибывших гостей к бассейну.

– Они что здесь делают? Лет на пять старше нас! – недовольно, в пол -голоса среагировал Стас. – Не нравятся мне эти бородачи.

– Да не гони, это же его родня, на днюху приехали – спокойно сказал Слава, заходя в трёхэтажный особняк.

– Из природных камней выложенный замок! – удивился уровнем жизни родителей Маги.

– Бабла не хило пахан его гребёт! – тоже охнул Стас.

Они направились к барной стойке, где уже топталась золотая молодёжь.

– Не меньше 50 человек собралось, почти все параллельные классы! – весёлая, уже подогретая коктейлем, их встретила Света. С Олей они выглядели сногсшибательно, хотя одеты были скромнее, сдержаннее, чем другие гостьи. Некоторые уже с разбегу прыгали в нагретую воду огромного бассейна.

– Ещё обеда нет, а все весёленькие! – Стас, взяв за талию подружку, удалился с ней по коротко -стриженой аллее роз. Весь двор с лужайками напоминал сказочную поляну.

Чистый звук с прокачанными басами придавали темп веселью, профессиональный ди -джей аккуратно разгонял ещё не до конца согревшуюся толпу. Пестро разодетая она собиралась сегодня оторваться по полной. Бармен

из дорогого клуба, как цирковой жонглёр, жонглировал бутылками, разных оттенков жидкости заполняли на лету бокалы и их тут же подавал в протянутые руки. Через пару часов Стас уже порозовел от парочки бокалов, ритмично двигался в такт, а Вячеслав с Олей, словно в своём миру, молча держались за руки.

– Смотри, бородатые пялятся на наших девочек! – зло просвистел у уха Стас.

– Да ладно тебе, не накручивай! – отмахнулся Славик, увлечённый Олей, он не замечал этого, среди общей картины оголённых тел их девочки совершенно не выглядели вульгарно.

– И что эти горцы делают здесь? – не унимался тот.

– Братья же, сказал Мага! – уже раздражался Славик, а Оля ещё нежнее прижималась к нему.

На улице совсем стало темно, включилось праздничное освещение, музыка стала громче, алкоголь делал своё дело. Многие стали позволять себе лишнее, кто-то целовался на виду ине скромно.

И тут резко остановилась музыка, центром внимания стал Мага, прожекторы осветили именинника, ди -джей, как царский глашатай, объявил подарочный тост и на центр двора выехала новая иномарка – чёрная с лакированным отливом, премиального класса. Представление было достойно хорошего шоу! Все аплодировали и оценивали подарок, который отец подогнал сыну.

Вновь заиграла музыка, гуляние продолжилось ещё веселей.

– Давай! Мы уже взрослые! – кричали подростки, прыгая, что есть мочи, дискотека была в разгаре, когда ди -джей обратился к гостям, объявив конкурс на лучший танец, в качестве приза – дорогой смартфон. Многие парами потянулись в центр танцпола

– Оля, пойдём покажем класс! – вызвалась Светлана. Они с Олей много лет ходили на художественную гимнастику и практиковались в разных направлениях.

– Нет! – смутилась Оля, глядя на реакцию Вячеслава.

– Да пойдём, не дрейфь! – почти умоляла подруга.

– Идите, телефон продадим, поделим! – смеялся Стас, подталкивая девчонок.

– Я не против! – одобрил Славик, отпуская руку Оли.

В коротких лёгких платьях они ворвались в организованный круг – какую бы ди -джей не включал композицию, Оля и Света синхронно, с чувством такта изящно и безупречно танцевали во всех стилях. Такого Славик не видел даже по телевизору, открыв рот, он не мог оторвать глаз. Ди -джей включил лезгинку и братья Маги выскочили в круг, резко дёргая руками и ногами, кружа вокруг девчонок, не давая им уйти. Сначала это смотрелось красиво, но потом по лицам Оли и Светы можно было заметить, что это им не по нутру. Славик напрягся и последовал навстречу к Оле, которая раскинув волосы по плечам, недовольно устремила свой ястребиный взгляд на одного из братьев. Небольшой её с горбинкой нос с раздражением выдыхал словно чайник пар, она резко оттолкнула танцора от себя. Арсену это явно не пришлось по вкусу.

– Ты, что шлюха! Оборзела тварь! – заорал он и замахнулся наотмашь, собираясь дать ей пощёчину, но Славик подоспел вовремя, перехватил ладонь Арсена, оттого тот сначала опешил, а потом пришёл в ярость.

– Слышь, пацан, газуй отсюда! Пока всю макитру тебе не разбил! – проорал с акцентом он.

– Сейчас же извинись перед моей девушкой! – сдержанно и уверенно проговорил Вячеслав. Музыка остановилась. Тишина сковала всех собравшихся. Света оттянула к себе Олю, в кругу остались, глядя друг на друга Славик и Арсен, второй брат, с ехидным предчувствием улыбаясь за спиной, потирал руки. Стас тоже напрягся, все в ожидании застыли.

– Эй, ты, что не понял? – Арсен приблизился на расстояние удара, но Слава сработал на опережение, борцовский хват сопернику не помог, смачный хрустящий звук головой вбил и без того вмятый нос противнику. Подёргиваясь и хрипя, противник уже лежал на спине. Внимание привлёк второй брат, но прямой удар Анзора был отбит блоком и правый хук похоронил все его

начинания, уронив плашмя рядом.

Услышав визг испуганных девчонок из дома выскочил Мага, он упустил всё происходящее до того.

– Славик, братуха, тормози! Не трогай! – кинулся он поднимать братьев, толпа загудела, рассказывая ему о наглом поведении поверженных родственников.

– Да уж, эти понты до добра не доводят! – ругался он, помогая подняться встающим после нокаута. – Приедете с гор и, типа, вы всемогущие! Выросшему в Москве, Маге не нравились дерзкие и безосновательные замашки земляков, коих было в достатке. На родине ведут себя скромно, а как вырвутся на просторы страны и думают, что весь мир у их ног, пока самих не собьют с них. Так он думал всегда, и сейчас, зная, скромного Вячеслава, был уверен, что драку начали братья.

– Слав, Оля, извините! Я сейчас их в гостевой домик уведу, больше не побеспокоят! Отдыхайте, реально прости, брат! – повёл он родственников, что-то говоря на своём, громко покрикивая на них, те зло оглядывались, но послушно шли.

– Подожди, Мага! – окликнула его Оля.

– Да, Оль! – придерживая за плечи братьев, повернулся тот. Все заинтересованно снова застыли.

Ольга подошла и со всей своей девичьей силы хлестнула Арсена по щеке.

– Это тебе за шлюху! – одарив их испепеляющим взором, повернулась и гордо пошла к Славе. Сначала раздались овации, а потом музыка заполонила пространство.

Настроение было подпорчено. Славик ещё долго сжимал кулаки от избытка адреналина, а благодарная Оля с восхищением глядела на своего рыцаря. Это была его первая драка вне ринга, волнение дополняло и неизвестность, которую подливал Стас.

– Эти бородачи будут мстить, они такие.

– Пошли они! Я сам им отомщу! – уверенность Славика ободрила товарища.

К утру все гости разбрелись по гостевым домикам со всеми удобствами, коих было не менее семи, как на турбазе, и все выполнены в стиле средневековья. Там также расположились парами в разных комнатах Слава с Олей и Стас со Светой.

Закрывшись, Славик неуверенно и волнительно сел рядом с Олей. С любимой наедине впервые – это посложнее, чем драка с противником.

6

Наконец-то у родителей, наконец-то – рыбалка. Радость от нахождения в родных местах должна была доминировать в душе Вениамина над остальными чувствами. Но тревога сковывала движение, с пологого берега он шёл по мостику к середине озера. На берегу сидели мужики с удочками, с потупленным взглядом, наблюдая за поверхностью воды. Горизонты не просматривались в сырой туманности, тянущейся со всех сторон. Только очень прозрачная вода вселяла надежду на что то хорошее.В этом водоёме как в аквариуме хаотично плавали цветные декоративные рыбы, от мальков до гигантов. Он приблизился лицом к водной глади, ни пения птиц, ни колыхания ветра, ни шороха, реальность не укладывающаяся в голове человека. Сжатость пространства была ощущаема. Чуть повернув голову, он увидел размазанные черты лиц сидящих рыбаков, но не мог разглядеть никого, вроде знакомые, но кто?

– Здорово, мужики! – Закидывая удочку,он попытался привлечь их внимание, боясь, что двинулся умом,и что он наблюдает то ему не кажется. Уж очень надеялся на адекватный ответ.

– Рыбачите? – идиотский вопрос вылетел против его воли – Вот рыба!Клюнуло раз. Хватай хорошие рыбины! – он кидал улов беспрестанно на берег – Берите! Последняя рыба была уж совсем необычной, схожей с кайманом, которая неожиданно ухватилась за его указательный палец. Удар током откинул его на берег. Когда пришёл в сознание понять не смог что происходит с ним. Вокруг гнилая рыба. – Помогите! – хотел громко крикнуть Вениамин, но слов его не было слышно, и мужики, что рыбачили, были уже заняты другим. Они толпой тянули

бредень, с усилием вытягивая сеть на берег. Он, несколько раз упал,пытаясь встать и подойти к ним, тошнота щекотала горло.

– Да, что тут происходит? – Крикнул он через силу, но слышал он только сам себя. Огромная рыба, попавшая в бредень, стала неистово дёргаться, раскидывая всех рыбаков, как щепки топор. Оказавшись на берегу, это тело, похожее на огромную белугу, высвободила голову, завыла от невыносимой боли словно перед смертью, открыв маленький рот на поросячьем рыле. От этой картины, Вениамин решил бежать с берега в гору, подальше от увиденного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/de-ron_/fermer

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить